

Е. В. Куприянова**Жизнь вещи — сакральная и повседневная (исследование роли предметов в ритуалах и бытовом использовании на материалах археологических памятников бронзового века Южного Зауралья и Казахстана)**

Назначение и принципы отбора погребального инвентаря в могильниках бронзового века по-прежнему не вполне ясны. На материалах археологических объектов Южного Зауралья был проведен сравнительный анализ наборов артефактов из поселенческих и погребальных памятников. Исследование опровергает стереотипные представления о том, что погребальный инвентарь является отражением статуса и рода занятий умершего. Выделены категории и отдельные типы предметов, имеющих высокую семантическую нагрузку, использующиеся в погребальных ритуалах, но практически отсутствующие на поселениях. Сравнительно с вещным миром поселений этот набор ограничен, не включает орудия ремесленного производства, профессиональной и бытовой сферы. Основу комплекса составляют оружие и украшения — особо ценные и личные вещи, обозначающие гендер погребенного в символах красоты и мужества. Остальные предметы также не были результатом произвольного выбора, а определялись регламентом ритуалов.

Ключевые слова: археология, Южное Зауралье, Казахстан, бронзовый век, синташтинская культура, петровская культура, алакульская культура, поселение, могильник, инвентарь.

Введение

Реконструкция и моделирование являются теми процедурами, которые превращают археологические исследования из вещеведения в полноценное изучение жизни древних обществ. И неудивительно, что множество споров в науке касаются точности получаемых моделей и отраженной в них реальности. Предмет рассмотрения данной статьи — артефакты, находимые в памятниках бронзового века Южного Зауралья, причем не остатки древних архитектурных сооружений, не фрагменты органики или кости людей и животных, а изделия, созданные человеком для различных целей. Цель исследования — сравнение комплексов вещей, находимых в поселенческих и погребальных памятниках.

Не секрет, что погребальный инвентарь, т.е. предметы, находимые при погребенных, является одним из столпов, на которых строятся социальные реконструкции. Количество и качество вещей во многом определяют степень богатства, престижности захоронения. Часто исходя из состава инвентаря реконструируется профессия, род занятий человека. Этот подход доминировал в советской археологии (напр.: [39, с. 16—26]) и современной ей процессуальной археологии, рассматривавшей погребение как «социальную карточку» погребенного [48, р. 8—9]. Сегодня подходы к восприятию вещей в погребениях более гибки; исследователи понимают, что знаковая сущность погребального инвентаря не всегда буквально отражает его утилитарное назначение. В частности, один из последователей постпроцессуализма, М. Паркер Пирсон, высказал мнение, что в погребальной обрядности создается ритуализированный, искаженный образ умершего, имеющий мало общего с его «социальной личностью» [50, р. 230—237]. В исследовании В. В. Цимида-нова прекрасно проиллюстрировано, как за более чем полувековую историю изучения срубной культуры на основе одних и тех же погребальных памятников и их инвентаря в социальной структуре срубного общества различными исследователями реконструировались разнообразные группы, причем одно и то же погребение могло быть объявлено погребением жреца, шамана, врачевателя, вождя, кузнеца и пр. в зависимости от подхода автора [47, с. 20—25]. В целом же на данный момент очевидно, что единой концепции сущности погребальных практик, в частности принципов отбора погребального инвентаря, для всех культурных традиций существовать просто не может.

© Куприянова Е. В., 2019

Мы склонны присоединиться к мнению тех авторов, которые считают, что «вещь в погребении — не только утилитарный предмет, но и знак» [47, с. 30], можно сказать даже, что вещь в погребении не утилитарный предмет, но исключительно знак. Относительно археологических культур бронзового века Южного Зауралья вполне очевидно, что помещение в погребение инвентаря диктовалось не только стремлением обозначить профессию и статус погребенного или заботой о том, какие вещи ему могут понадобиться в загробной жизни, а множеством различных факторов — обстоятельствами и временем смерти, информацией, которая в закодированном в обряд сообщении передавалась в потусторонний мир, и пр. Недаром комплексный анализ позволил выявить в погребальных практиках таких культур, как синташтинская, петровская и алакульская, устойчивые модели погребений, имеющие, как представляется, мало общего с прижизненным статусом погребенного — погребения в «позе объятия» и погребения с колесничной символикой [31].

Тем не менее при всем осознании символичности обрядов и роли в них погребального инвентаря нам никуда не уйти от того, что погребения являются почти единственным источником социальных реконструкций и, оговаривая все условности, их вещевой комплекс не может не использоваться в изучении ролей индивидов. Для Южного Зауралья неоднократно предпринимались попытки связать состав инвентаря с личностью захороненных, особенно это касается такого яркого явления, как синташтинская археологическая культура, чьи могильники дают значительно более богатый инвентарь, чем в других культурах бронзового века Южного Зауралья. В ранних работах присутствуют наиболее очевидные интерпретации. Например, погребения с остатками упряжи (псалями) и оружием, сопровождаемые иногда остатками колесниц, называются погребениями воинов-колесничих [8, с. 205, 215 и т.д.]. Данные комплексного изучения позволяют усомниться в верности столь прямолинейных дефиниций (по крайней мере, для части материала). Так, в погребении из кургана 1 могильника Степное-1, обладающего всеми признаками колесничного комплекса (колесными ямками, псалями, оружием), место «возницы» между «колес» колесницы занимала молодая женщина, а роль «воина» с оружием, лежащего в «кузове», играл младенец [30, с. 19—20]. В данном случае погребенные не могли являться теми, кем они представлены в сцене погребения по чисто физическим причинам, в силу пола и возраста.

Доскональное изучение состава погребального инвентаря, проведенное А. В. Епимаховым и Н. А. Берсеновой, и попытки соотнести его с гендерными маркерами заставляют авторов признать, что каких-либо очевидных закономерных взаимосвязей между количеством, видом вещей и полом, возрастом и статусом погребенных не выявляется, кроме самых явных. Например, отмечено практически полное отсутствие у младенцев орудий труда и крупных украшений, а также принадлежность оружия преимущественно мужским погребениям, а украшений преимущественно женским [13, с. 160]. В других своих работах эти исследователи также неоднократно задаются вопросами соответствия наборов погребального инвентаря из могильников реконструируемым социально-экономическим реалиям поселений бронзового века (напр. [14] и др.).

Что касается вещевого комплекса поселений, как правило, он не связан с конкретными индивидами и используется для реконструкции системы хозяйства, ремесел и производств. Для исследователей давно очевидно, что комплексы артефактов поселенческих и погребальных памятников значительно различаются. Например, упоминалось, что в находках литейных форм на поселениях часто представлены такие фантастические формы украшений, каких мы никогда не находим в погребениях [12, с. 84]. В основном же

изучение характера инвентаря поселений используется для реконструкции системы хозяйства (напр.: [9; 49 и др.]).

Таким образом, разные авторы неоднократно подвергали сепаратному изучению вещевые комплексы поселений и некрополей бронзового века Южного Зауралья и сопредельных регионов по многим параметрам. Из исследований последних лет в пример можно привести работы Я. В. Рафиковой и Л. В. Купцовой, содержащие в том числе анализ погребального инвентаря срубной и алакульской культур Приуралья [33, с. 11—13; 38, с. 239—241], диссертацию И. П. Алаевой, где затрагивается систематика инвентаря поселений и погребений позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья [1, с. 11, 15—17], работы И. В. Молчанова, детально исследовавшего материальный мир укрепленного поселения Ольгино [49], и множество других исследований. Однако как явление самоочевидное различие погребальных и поселенческих комплексов артефактов южноуральского региона, насколько нам известно, никогда не подвергалось детальному сравнению.

В своем исследовании мы решили ответить на вопрос: чем же конкретно различается инвентарь могильников и поселений? Сколько и какие категории представлены на двух типах памятников, есть ли взаимосвязь между их количеством и наличием/отсутствием? По нашему мнению, такое сопоставление может помочь более глубокому пониманию нескольких важных аспектов реконструкции облика обществ бронзового века (роли различных категорий вещей в быту и в ритуале, ценности вещей и материалов для древнего общества, проблемы соответствия социально-экономического развития, отраженного в поселениях и могильниках) и аргументированному соотнесению артефактов с конкретными характеристиками захороненных с ними людей.

Первый этап исследования представляет собой попытку выяснить, сколько процентов и какие категории погребений содержат погребальный инвентарь (кроме керамических сосудов). Второй этап представлен детальным исследованием сходства и различия вещевых наборов могильников и поселений.

Материалы и методы

В основу исследования положены методы статистического и сравнительного анализа, для применения которых была создана максимально объективная и широкая выборка материала. Оценка количества погребального инвентаря в погребальных памятниках проводилась на широком спектре могильников, с привлечением опубликованных и изучавшихся по архивным отчетам материалов. Это вызвано тем, что подавляющее большинство захоронений бронзового века подвергалось ограблению, и для сбора представительного статистического массива требовалось обобщение данных большого количества памятников. Для сравнения соотношения инвентаря в погребениях и на поселениях, напротив, было взято относительно небольшое количество памятников (8 поселений и 9 могильников), опубликованных достаточно подробно либо изучавшихся по отчетам. При сборе данных была выявлена проблема: если материалы некрополей публикуются достаточно детально, то в случае поселений точное количество предметов зачастую не называется, коллекции описываются общими формулировками. Для нашего исследования детализация, возможная только при воспроизведении данных коллекционной описи, необходима, в связи с этим ряд поселенческих памятников представлен материалами автора данной статьи (поселения Степное, Стрелецкое 1, Томино 1).

Для сравнения количества инвентаря в могилах (табл. 1) нами использованы материалы 40 могильников, содержавших погребения синташтинской, петровской, алакульской археологических культур Южного Зауралья, Приуралья, Северного и Центрального Казахстана: Танаберген II, Жаман-Каргала I [43], Солнце II [10], Большекараганский [5;

22], Кривое Озеро [7], Каменный Амбар-5 [11], Степное-1 [30], Степное VII [32], могильники у поселения Синташта [8], Бестамак I [24], Жабай-Покровка [16], Кенес [15], Берсуат [18], Берлик II [15], Аксайман [15], Чистолебяжье, Хрипуновский [36], Петровка [17], Семипалатное [15], Нуртай, Бозенген, Актобе I, Актобе II [42], Новоникольское [4], Улубай [2], Джангильды 5 [25], Тасты-Бутак 1 [39], Кулевчи VI [6], Ильяский 1 [34], Черняки 1, Спасское [41], Алыпкаш [3], Приплодный Лог [35], Урефты I [40], Лисаковский 1 [45], Амангельды [15], Исиной 1 [20], Чекатай [19; 21]. Погребения из исследуемых памятников были разбиты по группам, при этом выделены синташтинская, петровско-алакульская, алакульская и алакульско-федоровская группы ввиду невозможности четкого разделения материалов. Для анализа привлекались только неграбленные и частично ограбленные захоронения.

Керамические сосуды являются категорией, присутствующей в абсолютном большинстве погребений. В основу подсчетов был положен принцип выделения ординарного набора инвентаря (керамика + до 1—2 предметов из категории мелкого инвентаря — бусины, скрепки, каменные отщепы, астрагалы) и богатого набора инвентаря, включающего кроме сосудов любое количество крупных вещей. Таким образом, подсчитывалось количество погребений с ординарным (практически не содержащих вещей) и с богатым инвентарем. По возможности (при наличии антропологических определений) учитывалось соотношение с возрастом погребенных (в категорию «дети» относили индивидов до 8—10 лет, поскольку с этого возраста инвентарь погребенных практически не отличается от взрослых наборов и, в соответствии с нормами древних и традиционных обществ, социализация детей, их введение в категорию взрослых происходили гораздо раньше, чем в современных обществах).

Для сравнения инвентаря поселений и могильников было привлечено 8 поселений (Степное [26; 27], Стрелецкое 1 [28], Томино 1 [29], Синташта [8], Синташта 2 (Левобережное) [37], Каменный Амбар (Ольгино) [49], Устье 1 [9], Шагалалы 2 [46]) и 9 могильников (могильники у поселения Синташта [8], Степное-1 [30], Степное VII [32], Каменный Амбар-5 [11], Большекараганский [5; 22], Кривое Озеро [7])¹. Памятники содержат материалы синташтинской, петровской, алакульской, черкаскульско-межовской культур бронзового века, большинство из них (кроме поселения Шагалалы 2) расположено в степной и лесостепной зонах Южного Зауралья. Разделение на культурные группы в данном случае не производилось, поскольку слои поселений практически не имеют четкой культурной атрибуции.

Для анализа материалов некрополей привлекались подробно опубликованные памятники синташтинской и петровской культур, поскольку, как показал проведенный предварительный анализ степени богатства погребального инвентаря, погребения иных культурных групп (алакульской, черкаскульско-межовской) практически не содержат вещевых комплексов за исключением керамики и реже украшений. Выбор памятников для анализа был произвольным и ограничивался примерно одинаковым количеством поселений и могильников, представляющих достаточную для статистических выкладок базу данных. Охват всех имеющихся источников в рамках статьи невозможен. Плюсом в данной сравнительной выборке является то, что несколько памятников составляют пары «поселение + могильник» (поселение Степное и могильник Степное-1, поселение Ольгино и могильник Каменный Амбар-5, поселение Синташта и близлежащие могильники). Таким образом, разница вещного мира показана на примере поселенческих и погребальных памятников, оставленных одними коллективами людей. К минусам относится то, что в публикациях поселений Синташта и Шагалалы 2 не во всех случаях названо точное ко-

¹ Названия могильников в таблице даны в сокращениях.

личество той или иной категории предметов (когда упоминается лишь наличие, в таблице ставился знак «+»). Этим же знаком в таблице с материалами могильников отмечены массовые категории инвентаря (такие как астрагалы, бронзовые и пастовые бусы), подсчет количества которых только искажил бы статистику. Еще одним нюансом является разница не только подачи, но и обработки поселенческих и погребальных коллекций. Так, для некоторых коллекций с поселений (прежде всего поселения Устье 1, Левобережное, Ольгино) в публикациях приведено детальное трасологическое изучение предметов и выяснены точные функции отдельных артефактов. Коллекции некрополей в большинстве своем не анализировались трасологом либо анализировались частично, поэтому определить точные функции ряда вещей не всегда возможно (в основном это касается каменных макроформ, некоторых костяных изделий). По этой причине приходилось иметь в виду, что определения названия ряда вещей довольно обтекаемы и не привязаны к какой-либо конкретной сфере деятельности (пест/молот, проколка/шило, абразив/терочник и пр.).

На первом этапе анализа был проведен подсчет количества каждого вида предметов (отдельно для поселений и могильников, табл. 2—3). Затем на его основе в процессе обобщения и детального анализа проводилось сопоставление соотношения среднего количества предметов разных категорий (предметы из камня, металла, кости, глины, иные виды) на поселениях и могильниках (табл. 4) и сравнительный анализ присутствия в поселенческих и погребальных памятниках каждого вида предметов (табл. 5—7). Обобщенные результаты исследования представлены в разделе «Выводы».

Изучение распределения инвентаря в погребениях

В перечисленных выше 40 могильниках было изучено более 300 курганов и грунтовыми кладбища, включавшие около 1500 погребений. Из них для выбранной цели анализа (количество погребального инвентаря) были признаны подходящими 664 захоронения, позволяющие оценить число вещей и соотнести их с конкретными индивидуумами (неграбленные и частично ограбленные погребения). Количественное распределение погребений по культурным группам следующее: синташтинских погребений 256, петровско-алакульских 175, алакульских 130, алакульско-федоровских 103. Среди изученных погребений были выделены группы «взрослые и смешанные погребения» и «детские погребения», внутри которых подсчитано количество могил с ординарным и богатым инвентарем. Данные анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Соотношение количества инвентаря в погребениях различных культурных групп

Культурная группа	Погребения с ординарным инвентарем, %		Погребения с богатым инвентарем, %	
	Взрослые и смешанные	Детские	Взрослые и смешанные	Детские
Синташтинская	14,3	30,2	48,8	6,7
Петровско-алакульская	21,9	60	13,6	4,5
Алакульская	43,7	47,7	6,2	2,4
Алакульско-федоровская*	29,5	34,3	5,7	2,9

* В таблицу не внесены данные о 27,6% погребений, которые в этой группе представлены трупосожжениями и не могут быть соотнесены с возрастом и количеством погребенных. Среди них около половины также содержали украшения.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что количество ординарных погребений, практически не содержащих предметов, за исключением керамики, росло с течением времени (рис. 1).

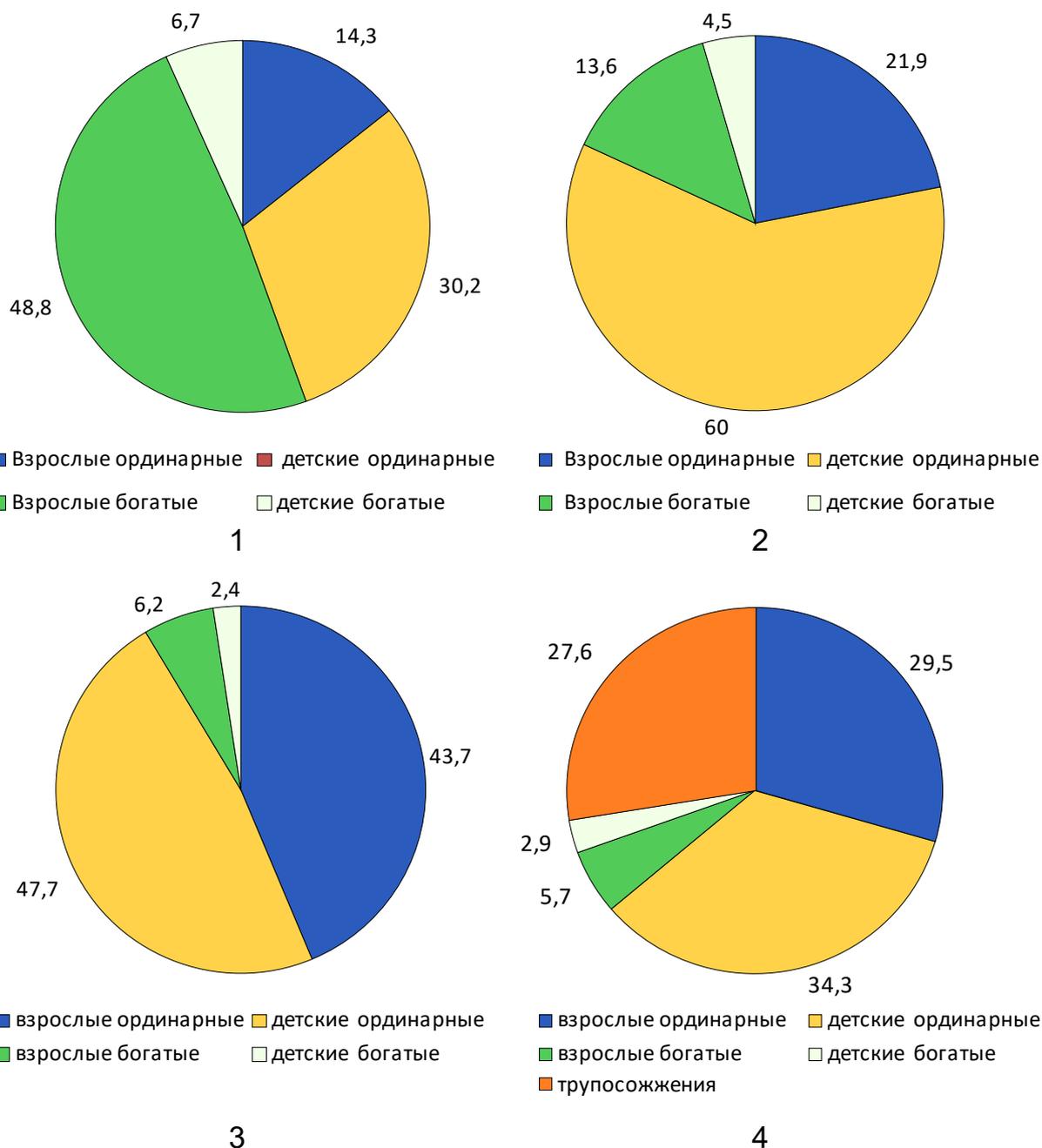

Рис. 1. Соотношение погребений с обычным и богатым набором инвентаря в различных культурных группах: 1 — синташтинская; 2 — петровско-алакульская; 3 — алакульская; 4 — алакульско-федоровская

В эпоху средней бронзы (синташтинская культура) богатый инвентарь содержало более половины (55,5%) погребений, из которых подавляющее большинство взрослые и смешанные. Среди погребений с обычным инвентарем большинство детских (30,2%). Таким образом, большинство взрослых погребенных синташтинской культуры имели богатый инвентарь.

Среди культурных групп эпохи поздней бронзы наиболее богатыми являются петровско-алакульские могильники, где на долю богатых погребений приходится 18,1%, из которых 13,6% — взрослые погребения. Среди 81,9% обычных погребений подавляющее большинство детские (60%). Таким образом, богатыми могут считаться около одной трети взрослых и незначительное количество детских погребений петровско-алакульско-

го круга. В алакульской группе абсолютное большинство взрослых и детских погребений содержало ординарный инвентарь (91,4%). Оставшиеся 8,6% взрослых и детских погребений, признанных богатыми, почти никогда не содержали иных артефактов, кроме женских украшений. То же самое справедливо и для алакульско-федоровской группы, где подавляющее большинство — ординарные погребения (63,8%), а незначительный процент взрослых и детских богатых погребений (8,6%) содержал в основном украшения.

Отмечено, что по составу инвентаря синташтинские комплексы содержат небольшое количество украшений по сравнению как с иными культурными группами, так и с числом других предметов инвентаря в синташтинских могилах. Таким образом, одной из явных тенденций, выявленных в исследовании, является рост числа ординарных погребений, другой — рост числа украшений в погребениях от эпохи средней к эпохе поздней бронзы. В дальнейшем при анализе соотношения вещей в некрополях и на поселениях необходимо иметь в виду, что основная масса вещей, не являющихся украшениями, из некрополей происходит из синташтинских и петровско-алакульских захоронений взрослых индивидов.

Изучение соотношения вещей в поселенческих и погребальных памятниках

Первым этапом анализа являлся детальный подсчет различных категорий предметов на 8 поселениях и 9 могильниках. Принятые условности подсчета оговорены выше. Результаты представлены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2

Содержание различных категорий инвентаря в поселенческих памятниках

Предмет	Памятник (поселение)								Всего
	Стрелцево 1	Степное	Томино 1	Синташта	Устье 1	Левобережное	Каменный Амбар	Шагалалы 2	
<i>Изделия из камня</i>									
Оселок	2	–	–	–	–	–	–	–	2 (0,4%)
Ножевидная пластина, скребок	27	11	9	+	10	7	–	5	>69 (12,2%)
Абразив/терочник	7	3	–	+	101	12	49	10	182 (32,3%)
Булава	2	–	–	–	1	1	–	–	4 (0,7%)
Пест, молот	2	–	–	–	25	2	12	5	46 (8,1%)
Лощило	5	–	1	–	–	32	1	–	49 (8,8%)
Наконечник стрелы	4	1	–	+	11	–	11	1	>28 (5,1%)
Каменный диск	2	–	–	–	6	–	66	+	>74 (13,1%)
Пест зоо-/антропоморфный	1	–	–	+	–	–	–	–	>1 (0,2%)
Форма литейная	–	1	–	+	1	–	3	–	>5 (0,9%)
Бусина	–	1	–	–	–	–	–	–	1 (0,2%)
Пряслице	–	–	–	+	–	–	–	–	+
Муфта	–	–	–	–	1	–	–	–	1 (0,2%)
Ступа	–	–	–	–	1	–	–	–	1 (0,2%)
Скобель	–	–	–	–	–	1	–	–	1 (0,2%)
Подвеска-розетка	–	–	–	–	–	–	1	–	1 (0,2%)
Льядки	–	–	–	–	–	–	7	–	7 (1,2%)
Тесло	–	–	–	–	–	–	1	–	1 (0,2%)
Проколка	–	–	–	–	–	–	–	1	1 (0,2%)
Орудие неясного назначения	22	39	11	–	–	–	16	–	88 (15,6%)
ВСЕГО:	74 (41,4%)	56 (65,1%)	21 (75%)		157 (47%)	55 (61,8%)	167 (48,7%)		

Продолжение табл. 2

Предмет	Памятник (поселение)								Всего
	Стрелковое 1	Степное	Томино 1	Сингапта	Устье 1	Левобережное	Каменный Амбар	Шагалалы 2	
<i>Изделия из металла</i>									
Серп	3	–	–	1	4	–	1	1	10 (6,5%)
Игла/шило	3	5	–	3	14	–	11	+	>36 (23,1%)
Нож	2	2	–	2	11	–	2	1	20 (12,9%)
Долото	1	–	–	1	2	–	–	–	4 (2,7%)
Слиток	–	2	1	–	16	14	–	–	33 (21,3%)
Крюк рыболовный	–	–	–	2	–	1	–	–	3 (1,9%)
Браслет	–	–	–	1	1	–	–	–	2 (1,3%)
Стержень (псалий?)	–	–	–	1	–	–	–	–	1 (0,6%)
Крюк со втулкой	–	–	–	–	1	–	–	1	2 (1,3%)
Подвеска от наконсника	–	–	–	–	1	–	–	–	1 (0,6%)
Наконечник стрелы	–	–	–	–	–	–	2	–	2 (1,3%)
Заготовки	–	–	–	–	–	2	31	5	38 (24,4%)
Бусина	–	–	–	–	–	–	2	–	2 (1,3%)
Орудие неясного назначения	–	2	–	–	–	–	–	–	2 (1,3%)
ВСЕГО:	9 (5%)	11 (12,8%)	1 (3,6%)		50 (15%)	17 (19,1%)	49 (14,3%)		
<i>Изделия из кости</i>									
Костяная пластина с насечками	2	1	–	–	–	–	–	–	3 (1,8%)
Амулет из подъязычной кости	8	–	–	–	–	–	–	–	8 (4,9%)
Наконечник стрелы	6	–	–	+	3	–	2	–	>8 (4,9%)
Проколка/спица	6	5	–	+	21	–	1	5	>17 (10,4%)
Астрагал	11	4	–	–	12	3	–	–	18 (10,9%)
Бусина из рыбьей кости	1	1	–	–	–	–	–	–	2 (1,2%)
Рукоять	3	–	–	+	1	–	–	1	>4 (2,6%)
Пила	1	–	–	–	–	–	–	–	1 (0,6%)
Амулет из клыка	1	–	–	–	5	–	4	1	6 (3,6%)
Гарпун	1	–	–	–	–	–	–	–	1 (0,6%)
Трубочка	1	1	–	–	4	–	3	–	5 (3%)
Тупик	1	–	–	+	8	1	–	+	>2 (1,2%)
Кочедык	1	–	–	–	1	–	–	–	1 (0,6%)
Заготовка под псалий/псалий	–	1	–	+	1	1	2	–	>4 (2,4%)
Орудие из ребра	–	–	–	+	1	1	6	+	>7 (4,5%)
Пряслице	–	–	–	+	6	1	3	1	>5 (3%)
Лощила для кожи	–	–	–	–	2	–	18	–	18 (11%)
Кольцо костяное	–	–	–	–	–	–	4	–	4 (2,4%)
Изделие неясного назначения/заготовки	23	1	1	–	5	1	20	–	46 (28%)
Втулка	–	–	–	–	2	–	–	–	2 (1,2%)
Изделие из лопатки для выделки кож	–	–	–	–	2	–	–	–	2 (1,2%)
ВСЕГО:	66 (36,8%)	14 (16,3%)	1 (3,6%)		74 (22,1%)	8 (9%)	63 (18,4%)		
<i>Изделия из глины</i>									
Пряслице	23	4	3	+	31	–	31	–	>92 (55%)
Грузило	1	–	–	–	–	–	–	–	1 (0,6%)

Продолжение табл. 2

Предмет	Памятник (поселение)								Всего
	Стрелковое 1	Степное	Томино 1	Синташта	Устье 1	Левобережное	Каменный Амбар	Шатагалы 2	
Блюдец/плитка со знаками	5	-	-	-	-	-	-	1	6 (3,6%)
«Наперсток»	1	-	-	-	-	-	-	-	1 (0,6%)
Форма литейная	-	1	1	-	-	-	-	-	2 (1,3%)
Сосудик-модель	-	-	1	-	-	-	-	-	1 (0,6%)
Сопло	-	-	-	-	2	3	1	-	6 (3,6%)
Изделия на фрагментах сосуда	-	-	-	-	20	6	14	-	40 (24%)
Бусина	-	-	-	-	-	-	1	-	1 (0,6%)
Изделие из глины	-	-	-	-	-	-	17	-	17 (10,1%)
ВСЕГО:	30 (16,8%)	5 (5,8%)	5 (17,8%)		53 (15,9%)	9 (10,1%)	64 (18,6%)		
<i>Иные виды артефактов</i>									
Шлак	-	30	-	-	-	55	>150	-	
Руда	-	1	-	-	-	4	75	-	
Сырье	+	+	+	+	+	+	+	+	

Таблица 3

Содержание различных категорий инвентаря в погребальных памятниках

Предмет	Памятник (могильник)									Всего
	СМ	СІ	СП	СПІ	Ст-7	Ст-1	КА-5	БК	КО	
<i>Изделия из камня</i>										
Наконечник стрелы	76	14	12	-	21	50	25	23	11	232 (62,5%)
Плитка	1	-	-	-	-	-	1	-	-	2 (0,5%)
Булава	4	1	-	1	-	-	2	2	-	10 (2,7%)
Абразив	2	-	-	-	-	-	-	1	1	4 (1%)
Пест	2	6	1	-	2	4	5	1	-	21 (5,6%)
Тигель	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1 (0,3%)
Ножевидная пластина	2	-	-	-	-	-	1	3	6	12 (3,2%)
Осенок	1	-	-	-	1	-	-	-	-	2 (0,5%)
Бусина	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2 (0,5%)
Лоцило	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1 (0,3%)
Кристалл хрустала	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1 (0,3%)
Подвеска	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1 (0,3%)
Диск	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1 (0,3%)
Неясного назначения	25	13	-	6	7	8	16	4	2	81 (21,8%)
ВСЕГО:	114 (44,4%)	34 (36%)	13 (29,5%)	7 (58,4%)	32 (15%)	62 (34,1%)	51 (25,2%)	37 (33,9%)	21 (15,1%)	
<i>Изделия из металла</i>										
Подвески	6	6	-	-	13	-	2	6	1	34 (6,3%)
Нож	19	13	5	1	9	5	9	15	9	85 (15,8%)
Шило/проколка	12	7	2	2	4	11	8	9	5	60 (11,1%)
Игла	-	-	-	-	3	1	3	-	1	8 (1,5%)
Скобы	21	-	3	-	8	17	10	2	13	74 (13,7%)
Топор	2	-	-	-	3	-	-	-	-	5 (0,9%)

Продолжение табл. 3

Предмет	Памятник (могильник)									Всего	
	СМ	СІ	СП	СПІ	Ст-7	Ст-1	КА-5	БК	КО		
Гвоздь	2	–	–	–	–	–	–	–	–	5	7 (1,3%)
Тесло	2	8	1	–	2	5	10	7	2	37 (6,9%)	
Серп	1	2	–	–	–	1	2	–	–	6 (1,1%)	
Крюк	4	4	–	–	1	3	1	1	–	14 (2,6%)	
Копье	3	–	1	–	–	–	1	1	1	7 (1,3%)	
Накосное украшение	1	–	–	–	2	–	–	–	–	3 (0,5%)	
Перстни	3	4	1	–	17	–	1	–	–	26 (4,8%)	
Чекан	1	–	–	–	–	–	2	–	–	3 (0,5%)	
Браслеты	–	5	3	–	35	–	1	3	11	58 (10,8%)	
Наконечник стрелы	–	–	5	–	–	–	–	–	–	5 (0,9%)	
Гривна	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1 (0,2%)	
Крестовидная подвеска	–	–	–	–	10	–	–	–	–	10 (1,8%)	
Пинцет	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1 (0,2%)	
Сплеск	–	–	–	–	1	–	1	–	–	1 (0,2%)	
Бляхи	–	–	–	–	12	–	–	–	–	12 (2,2%)	
Височные кольца	–	–	–	–	10	3	–	–	–	13 (2,3%)	
Лицевая подвеска	–	–	–	–	3	–	–	–	–	3 (0,5%)	
Долото	–	–	–	–	–	–	–	2	–	2 (0,4%)	
Гарпун	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1 (0,2%)	
Стамеска	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1 (0,2%)	
Очковидная подвеска	–	–	–	–	6	–	–	–	1	7 (1,3%)	
Неясного назначения	22	4	9	2	2	–	12	3	–	54 (10%)	
ВСЕГО:	99 (38,5%)	53 (57%)	30 (68,2%)	5 (41,6%)	143 (66,8%)	46 (25,2%)	64 (31,7%)	50 (45,9%)	49 (35,3%)		
<i>Изделия из кости</i>											
Амулет из клыка	4	–	–	–	26	12	32	–	43	117 (33,7%)	
Диск	1	1	–	–	–	1	7	5	6	21 (6%)	
Псалий	15	3	1	–	5	18	12	2	11	67 (19,3%)	
Пряслице	2	–	–	–	1	3	–	–	–	6 (1,7%)	
Лопаточка	1	–	–	–	–	2	1	1	–	5 (1,4%)	
Гарпун	2	–	–	–	–	1	1	1	–	5 (1,4%)	
Наконечник	4	–	–	–	–	11	2	8	2	27 (7,8%)	
Втулка	1	1	–	–	–	–	1	3	–	6 (1,7%)	
Проколка	–	–	–	–	–	2	2	2	1	7 (1,9%)	
Трубочка	1	–	–	–	1	–	6	–	–	8 (2,3%)	
Заготовки из рога лося	4	–	–	–	–	–	–	–	–	4 (1,1%)	
Подвески из амулетов	–	–	–	–	2	3	–	–	–	5 (1,4%)	
Подвеска из кости животного	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1 (0,3%)	
Ракушка-подвеска	–	–	–	–	1	–	9	–	1	11 (3,1%)	
Астрагалы	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Гребень (?)	–	–	–	–	1	2	–	–	–	3 (0,8%)	
Футляр для игл	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1 (0,3%)	

Продолжение табл. 3

Предмет	Памятник (могильник)									Всего
	СМ	СІ	СП	СПІ	Ст-7	Ст-1	КА-5	БК	КО	
Бусина из рыбьего позвонка	–	–	–	–	–	10	–	–	–	10 (2,9%)
Кибити	–	–	–	–	–	3	–	–	–	3 (0,8%)
Накладка на лук	–	–	–	–	–	1	2	–	–	3 (0,8%)
Кочедык	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1 (0,3%)
Кольцо	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1 (0,3%)
Орнаментир	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1 (0,3%)
Пластина	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1 (0,3%)
Ступка	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1 (0,3%)
Бляха	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1 (0,3%)
Неясного назначения	9	1	–	–	1	3	11	–	1	26 (7,5%)
ВСЕГО:	44 (17,1%)	6 (7%)	1 (2,3%)		39 (18,2%)	74 (40,7%)	87 (43,1%)	22 (20,2%)	69 (49,6%)	
<i>Изделия из глины</i>										
Сопло	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Фигурные сосудики	–	–	–	–	–	–	–	–	2	2
Диск	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1
ВСЕГО:				1					3	4
<i>Иные виды артефактов</i>										
Шлак	–	–	–	–	–	2	–	–	–	
Бусы пастовые	+	+	+	+	+	+	+	+	+	

Использованные сокращения: БК — могильник Большекараганский; КА-5 — могильник Каменный Амбар-5; КО — могильник Кривое Озеро; СМ — Синташтинский большой грунтовый могильник; Ст-1 — могильник Степное-1; Ст-VII — могильник Степное VII; СІ — комплекс курганных и грунтовых захоронений на р. Синташта; СП — малый грунтовый могильник на р. Синташта; СПІ — Синташтинский малый курган.

На втором этапе исследования производился сравнительный анализ данных таблиц 2 и 3. В таблице 4 представлены результаты сопоставления среднего процентного содержания в некрополях и поселениях предметов из камня, металла, кости и глины, а также сравнение количества разновидностей инвентаря из каждого материала.

Таблица 4

Сравнительное содержание в поселенческих и погребальных памятниках различных категорий инвентаря и его разновидностей

Категория предметов	Процентное соотношение (min—max ~ средний процент)		Количество позиций в категориях предметов (виды вещей)	
	Поселения	Могильники	Поселения	Могильники
Предметы из камня	41,4—75% ~ 56,3%	15—58,4% ~ 32,3%	20	14
Предметы из металла	5—19,1% ~ 10,8%	25,2—68,2% ~ 45,5%	14	28
Предметы из кости	3,6—36,8% ~ 17,8%	24,7—49,6% ~ 24,7%	21	27
Предметы из глины	5,8—18,6% ~ 14,1%	—	10	3

Было проведено также сравнение наличия/отсутствия и процентного содержания каждого вида предметов на поселениях и в могильниках, представленное в таблицах 5—7. Сравнительный анализ проводился для предметов из камня, кости и металла, поскольку содержание среди инвентаря могильников предметов из глины и других находок

(шлаков, сырья и пр.) составляет незначительные доли процента и может быть приравнено к отсутствию.

Таблица 5

Процентное содержание предметов из камня в поселенческих и погребальных памятниках

Категория предмета	Поселения, %	Могильники, %
Оселок	0,4	0,5
Ножевидная пластина, скребок	12,2	3,2
Абразив/терочник	32,3	1
Булава	0,7	2,7
Пест, молот	8,1	5,6
Лоцило	8,8	0,3
Наконечник стрелы	5,1	62,5
Каменный диск	13,1	0,3
Пест зоо-/ антропоморфный	0,2	–
Форма литейная	0,9	–
Бусина	0,2	0,5
Пряслице	+	–
Муфта	0,2	–
Ступа	0,2	–
Скобель	0,2	–
Подвеска-цветок	0,2	–
Льячки	1,2	–
Тесло	0,2	–
Проколка	0,2	–
Плитка	–	0,5
Тигель	–	0,3
Кристалл хрусталя	–	0,3
Подвеска	–	0,3
Орудие неясного назначения	15,6	21,8

Таблица 6

Процентное содержание предметов из металла в поселенческих и погребальных памятниках

Категория предмета	Поселения, %	Могильники, %
Серп	6,5	1,1
Игла	20,1	1,5
Нож	12,9	15,8
Долото	2,7	0,4
Слиток	21,3	–
Крюк рыболовный	1,9	2,6
Браслет	1,3	10,8
Стержень (псалий?)	0,6	–
Крюк со втулкой	1,3	0,2
Подвеска от наконечника	0,6	–
Наконечник стрелы	1,3	0,9
Заготовки	24,4	–

Продолжение табл. 6

Категория предмета	Поселения, %	Могильники, %
Бусина	1,3	+
Орудие неясного назначения	1,3	10
Подвески	–	6,3
Шило/проколка	3	11,1
Скобы	–	13,7
Топор	–	0,9
Гвоздь	–	1,3
Тесло	–	6,9
Копье	–	1,3
Накосное украшение	–	0,5
Перстни	–	4,8
Чекан	–	0,5
Гривна	–	0,2
Крестовидная подвеска	–	1,8
Пинцет	–	0,2
Сплеск	–	0,2
Бляхи	–	2,2
Височные кольца	–	2,3
Лицевая подвеска	–	0,5
Гарпун	–	0,2
Стамеска	–	0,2
Очковидная подвеска	–	1,3

Таблица 7

Процентное содержание предметов из кости в поселенческих и погребальных памятниках

Категория предмета	Поселения, %	Могильники, %
Костяная пластина	1,8	0,3
Амулет из подъязычной кости	4,9	–
Наконечник стрелы	4,9	7,8
Проколка/спица	10,4	1,9
Астрагал	10,9	+
Бусина из рыбьей кости	1,2	2,9
Рукоять	2,6	–
Пила	0,6	–
Амулет из клыка	3,6	35,1
Гарпун	0,6	1,4
Трубочка	3	2,3
Тупик	1,2	–
Кочедык	0,6	0,3
Заготовка под псалий/псалий	2,4	19,3
Орудие из ребра	4,5	–
Пряслице	3	7,7
Ложила для кожи	11	–

Продолжение табл. 7

Категория предмета	Поселения, %	Могильники, %
Кольцо костяное	2,4	–
Изделие неясного назначения/заготовки	28	8,6
Втулка	1,2	1,7
Изделие из лопатки для выделки кож	1,2	–
Лопаточка	=	1,4
Подвеска из кости животного	–	0,3
Ракушка-подвеска	–	3,1
Гребень (?)	–	0,8
Футляр для игл	–	0,3
Кибити	–	0,8
Накладка на лук	–	0,8
Кольцо	–	0,3
Орнаментир	–	0,3
Бляха	–	0,3

Проведенные исследования выявили ряд интересных закономерностей относительно использования различного рода вещей в ритуальной и повседневной жизни обществ эпохи бронзы. Безусловно, привлечение нового материала может поколебать численные значения в ту или иную сторону, однако надеемся, что представительность анализируемой выборки позволила выявить основные тенденции распределения предметов и их роли в жизни и ритуале. Это косвенно подтверждается тем, что даже если в публикациях материалов поселений не называется точное количество вещей (например, для поселений Синташта и Шагаламы 2), то указывается наличие тех же категорий, которые наиболее характерны и для подробно изученных памятников.

Результаты исследований и выводы

1. Основное количество инвентаря погребальных памятников происходит из захоронений взрослых индивидов синташтинской и петровско-алакульской культурных групп. Во взрослых погребениях классического варианта алакульской культуры и ее смешанного с федоровской культурой варианта, а также в погребениях детей любой изученной культуры предметы (за исключением украшений и керамики, отчасти наборов астрагалов) практически исключены из погребальных ритуалов. Наличие украшений указывает на принадлежность индивидуума к женской субкультуре. В редких случаях, когда иные предметы все же помещались в погребения, скорее всего, их значение не было связано с родом занятий погребенного (поскольку трудно представить, что подавляющее большинство не имели никаких занятий). Вероятнее всего, их помещение в могилу было следствием неких ритуальных действий и носило характер «сообщения».

Все последующие заключения касаются анализа соотношения инвентаря поселений с наборами предметов из синташтинских и петровско-алакульских комплексов.

2. При сравнении вещевого комплекса синташтинских и петровско-алакульских захоронений с вещным миром поселений выявлено, что в поселенческих комплексах больше всего предметов из камня, а меньше всего — из металла. В могильниках, напротив, самое большое содержание предметов из металла, самое меньшее — из кости; предметы из глины практически отсутствуют.

3. *Каменные артефакты*, явленные в могильниках значительно меньшим объемом и разнообразием предметов, чем на поселениях, в большинстве представлены наконец-

никами стрел и макроформами не всегда ясного назначения (песты, плитки). Характерно, что кроме булав и каменных бусин в захоронениях практически не зафиксировано хорошо выделанных каменных вещей, требующих особого мастерства (фигурные песты, чаши, литейные формы), которые пусть не часто, но встречаются на поселениях. В могильниках также практически отсутствуют каменные предметы, связанные с различными видами ремесла и хозяйственной деятельности, в большом разнообразии представленные на поселениях, где, наоборот, редко встречаются либо полностью отсутствуют оружие и украшения из камня.

4. **Предметов из металла** в некрополях в 3 раза больше, чем на поселениях, более разнообразен и видовой состав предметов. Но при этом в могильниках большой их процент (около 30%) составляют различные виды украшений. Далее по убывающей идут ножи, скобы, шилья, тесла. На поселениях практически не отмечено металлического оружия и украшений, но значительно больше, чем в погребениях, серпов и много заготовок для предметов. Количество других видов артефактов невелико как на поселениях, так и в могильниках.

5. Количество **предметов из кости** в целом примерно одинаково (21 и 27%) на поселениях и в могильниках. В погребальных памятниках средний объем чуть больше, как и количество видов предметов. В могильниках основу составляют украшения (подвески-амулеты из зубов и костей животных, ракушек, костей рыб — 42,8%) и предметы оружейно-колесничного комплекса (псалии, наконечники стрел, гарпуны, элементы составного лука — 29,1%), а также наборы астрагалов. Эти же вещи практически полностью отсутствуют на поселениях либо встречаются в другом качестве. Так, псалии на поселениях представлены в основном заготовками и сломанными вещами. Астрагалы в погребениях встречаются в виде наборов с игрально-гадательными функциями, а на поселениях — в единичном числе в виде орудий (лощила) (см. напр. [44, с. 335—340]). В число отсутствующих на поселениях предметов входят роговые лопаточки и костяные диски. Интересно, что интерпретация назначения костяных дисков в научной литературе достаточно разнообразна, но не выходит за рамки бытовой сферы: чаще всего их определяют как пряслица, орнаменты, насадки на веретено (напр.: [23, с. 155—156]). Однако, как показывают исследования, в погребениях эти артефакты встречаются во много раз чаще, чем в жилищных комплексах. Они сходны по своей морфологии с предметами, называемыми «втулками» (рис. 2), назначение которых также не совсем ясно и которые также встречаются в основном в погребениях, а не на поселениях. В поселенческих комплексах среди предметов из кости большой процент составляют орудия ремесленного производства (тупики, лощила, проколки и пр.), а также заготовки, которые почти не отмечены в захоронениях.

6. **Предметы из глины**, не являющиеся стандартными керамическими сосудами (блюдца со знаками, кубики, сопла, пряслица, грузила и т.д.), составляют 14,1% вещевого комплекса поселений, в то время как в могильниках они практически отсутствуют, составляя доли процента.

7. Из **иных категорий** артефактов на поселениях во множестве встречается различное сырье, необходимое для разного вида ремесел (охра, гематит, руда, осколки камней различных пород), нередко находки шлаков (особенно на укрепленных поселениях). В могильниках кроме единичных находок шлаков и руды к ним можно отнести многочисленные наборы пастовых бусин.

8. Общая характеристика вещевого комплекса поселений может быть сформулирована следующим образом. В поселенческих памятниках мало металлических вещей, больше всего каменных предметов. Поскольку основная масса находок на поселениях — это

вещи сломанные, забытые и потерянные, то в иерархии ценности материалов металл имеет наивысшее значение, а камень — наименьшее. По этой же причине на поселениях отсутствует оружие и украшения, которые, очевидно, как наиболее личные вещи находились под особым присмотром, редко терялись и не выбрасывались даже после поломки.

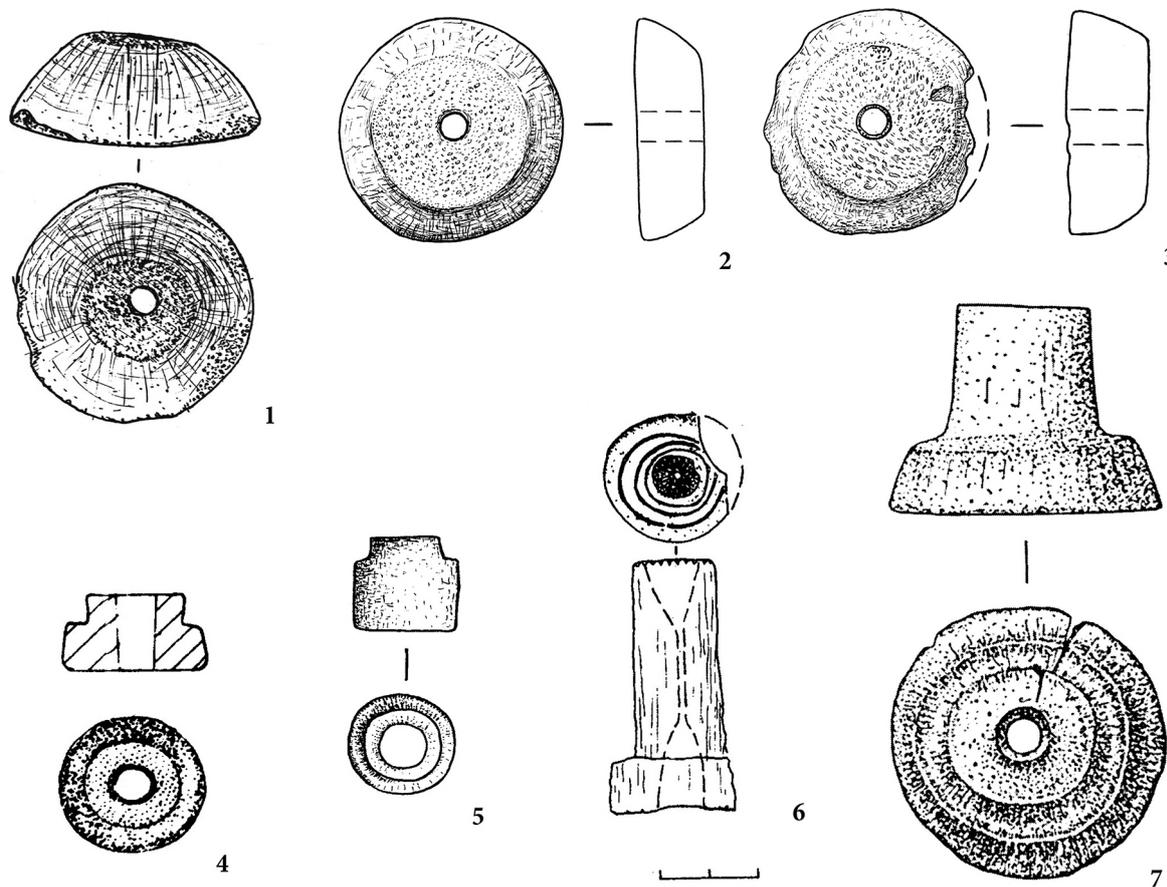

Рис. 2. Костяные «пряслица» (1—3) и «втулки» (4—7) — одна из категорий предметов с высоким сакральным статусом (1 — мог. Степное VII (по: [31, рис. 42]); 2—3 — мог. Степное-1 (по: [26, рис. 47]); 4 — Синташтинский грунтовый могильник (по: [8, рис. 148, 6]; 5, 7 — мог. Большекараганский (по [5, рис. 13.2; 21, рис. 29]); 6 — мог. Амангельды (по: [14, рис. 28.12])

В целом инвентарь поселений более разнообразен, чем инвентарь могильников: несмотря на то что количество видов вещей в могильниках больше, это разнообразие образовано за счет единичных находок эксклюзивных вещей, тогда как на поселениях обнаружено множество типов ремесленных орудий из камня и кости, полностью отсутствующих в могильниках, много различных заготовок для орудий.

9. Основным выводом исследования можно считать подтверждение статистически данными тотального различия вещевых комплексов поселений и могильников одного культурно-хронологического горизонта. Совершенно очевидно, что в пространстве материальной культуры племен бронзового века существовали артефакты, обладающие более высоким семантическим статусом, чем остальные, и их набор довольно стереотипен. В частности, к некрофере имела отношение весьма ограниченная часть вещного мира. Это полностью опровергает распространенные представления о том, что наборы вещей в погребениях формировались произвольно — из любимых вещей покойного, орудий труда, отражающих характер его деятельности. Набор предметов поселений и некрополей сильно различается, хотя многие предметы, массово находимые на поселениях или в

могильниках, единично могут быть отмечены и в нехарактерном контексте. Поселенческий комплекс отражает бытовую сферу деятельности древних коллективов. Основу погребального инвентаря составляют украшения и оружие — вещи высокоценные и сугубо личные, к тому же отражающие две субкультуры — мужскую и женскую. Таким образом, гендер в погребальном ритуале бронзового века отражен не в бытовых занятиях, относящихся к мужской или женской сфере (ткачество, гончарство, камнерезное и другие виды ремесел), а в обозначении наивысших, в каком-то смысле поэтических характеристик двух полов — красоты и доблести. Причем делалось это не для всех, а лишь для части индивидов (большинства взрослых погребенных в синташтинской культуре и лишь небольшого процента — во всех остальных исследованных группах).

Отсутствие предметов, связанных с конкретно ремесленной и другой бытовой деятельностью, убеждает в том, что и остальные вещи в погребениях помещены туда не с целью сопровождения умершего или обозначения его рода деятельности, а в чисто символическом контексте. Есть ряд вещей, безусловно использовавшихся в быту и единично отмеченных на поселениях (например, ножи и шилья). Но их полифункциональность, а также использование в качестве устойчивой и стандартной категории погребального инвентаря для индивидов любого пола и возраста (исключая младенцев) убеждают в том, что помещение в могилу было исключительно знаковым. Мы не можем достоверно определить причины этих манипуляций, но вольны делать различные предположения. Так, ножи, например, могли быть орудием погребальных жертвоприношений, если при совершении ритуала производились такие обряды. Нож — предмет, обладавший высоким семантическим статусом у индоевропейских народов и использовавшийся во многих обрядах, относящихся как к сфере жизни, так и к сфере смерти. Шилья и другие предметы могли являться медицинскими инструментами, применявшимися при лечении, если погребенный ранее болел. Наконец, есть некоторое количество типов предметов, довольно популярных в качестве погребального инвентаря, но отсутствующих или минимально отмеченных на поселениях: роговые лопаточки, костяные диски и втулки, наборы астргалов. Интерпретации некоторых из них вполне допускают бытовое использование (в отличие, например, от тех же булав, статусное значение которых практически несомненно), материал, из которого они сделаны, не является особенно ценным, тем не менее их роль в некротифе очень высока.

Проведенное изучение отличия погребального инвентаря от материального мира поселений разрушает некоторые стереотипные представления о принципах помещения артефактов вместе с погребенными индивидами в бронзовом веке, в частности об отражении в их наборах статуса, рода занятий. Их ограниченный состав говорит о том, что помещение в могилу большинства вещей являлось следствием каких-то стандартных обрядов, исполнявшихся в отношении определенных групп умерших. Более подробное изучение и соотнесение с рядом иных характеристик (антропологические данные о погребенных, параметры погребений и пр.) помогут выдвинуть в дальнейшем более точные гипотезы о характере этих обрядов.

В заключение необходимо отметить, что проведенное исследование представляет предварительные результаты и для установления более точной картины было бы необходимо создание максимально полной компьютерной базы предметов из раскопок поселений и могильников изучаемых культурных групп с последующим выходом на анализ больших данных. Основную проблему для исполнения этой задачи представляет принятый стиль публикации материалов поселенческих раскопок, где чаще всего дается описание коллекции в целом, без указания точного количества и подробных характеристик вещей.

Список использованных источников и литературы

1. Алаева И. П. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 23 с.
2. Бойко Т. А., Зданович Г. Б., Янцен И. В. Могильник эпохи бронзы в урочище Улубай. Отчет // Отчет о полевых исследованиях в Петропавловском Приишимье по теме: Социально-экономическая история древних племен Южного Урала и Северного Казахстана. Архив заповедника «Аркаим». Р-1. № 22. С. 29—40.
3. Бойко Т. А., Татаринцева Н. С. Алыпкашский могильник — новый памятник эпохи бронзы Северного Казахстана. Отчет // Полевые археологические исследования на территории Северного Казахстана в 1974 г. Т. 2. Архив заповедника «Аркаим». Р-1. № 13. С. 1—21.
4. Бойко Т. А., Хабдулина М. К. Могильник у с. Новоникольское. Отчет // Отчет о полевых исследованиях в Петропавловском Приишимье по теме: Социально-экономическая история древних племен Южного Урала и Северного Казахстана. Архив заповедника «Аркаим». Р-1. № 22. С. 18—28.
5. Боталов С. Г., Григорьев С. А., Зданович Г. Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск : Каменный пояс, 1996. С. 64—88.
6. Виноградов Н. Б. Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. № 3. С. 136—153.
7. Виноградов Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.
8. Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
9. Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / отв. ред. Н. Б. Виноградов. Челябинск : Абрис, 2013. 482 с.
10. Епимахов А. В. Курганный могильник Солнце II — некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск : Каменный пояс, 1996. С. 22—42.
11. Епимахов А. В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск : Челябинский дом печати, 2005. 192 с.
12. Епимахов А. В. Материалы к истории ювелирного дела (бронзовый век Южного Зауралья) // Археология, антропология и этнография Евразии. 2012. № 1 (49). С. 82—87.
13. Епимахов А. В., Берсенева Н. А. Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3: Археология и этнография. С. 148—170.
14. Епимахов А. В., Берсенева Н. А. Металлопроизводство, погребальная обрядность и социальная идентичность (синташтинские древности Южного Урала) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 1. С. 65—71. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.065-071.
15. Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск : УрГУ, 1988. 177 с.
16. Зданович Г. Б., Варфоломеев В. В. Детский могильник Жабай-Покровка. Отчет // Полевые исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1974 г. Т. 3. Архив заповедника «Аркаим». Р-1. № 14. С. 3—18.
17. Зданович Г. Б., Зданович С. Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // Советская археология. 1980. № 3. С. 183—193.
18. Зданович Г. Б., Хабдулина М. К., Бородин Н. В., Виноградов Н. Б. Могильник эпохи бронзы Берсуат. Отчет // Археологические исследования на Южном Урале в 1977 г. Т. 1. Архив заповедника «Аркаим». Р-1. № 20. С. 12—22.
19. Зданович Д. Г. Раскопки могильника Чекатай (Варненский район Челябинской области) в 1997 году. Отчет // Архив заповедника «Аркаим». Р-1. № 153.
20. Зданович Д. Г. Могильник бронзового века Исинея 1 в Челябинской области. Отчет // Архив заповедника «Аркаим». Р-1. № 155.
21. Зданович Д. Г. Раскопки могильника Чекатай (Варненский район Челябинской области) в 1998 году. Отчет // Архив заповедника «Аркаим». Р-1. № 154.
22. Зданович Д. Г. Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. С. 17—106.
23. Зданович Д. Г. Изделия из камня, кости, дерева в погребениях кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. С. 144—158.

24. Калиева С. С., Логвин В. Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. Вып. 9. С. 32—58.
25. Калиева С. С., Колбина А. В., Логвин В. Н. Некрополь эпохи бронзы Джангильды-5. Костанай : Костанайполиграфия, 2016. 208 с.
26. Куприянова Е. В. Комплекс археологических памятников «Степное» (поселение и могильник) в Челябинской области по итогам исследований 2008 года. Отчет // Архив заповедника «Аркаим». Р-1. № 183.
27. Куприянова Е. В. Поселение Степное эпохи бронзы (Пластовский район Челябинской области) по итогам исследований 2009 года. Отчет // Архив заповедника «Аркаим». Р-1. № 188.
28. Куприянова Е. В. Спасательные раскопки поселения Стрелецкое-1 (Троицкий район Челябинской области и комплексные исследования окружающей территории в 2012 году). Отчет // Фонды УНЦ изучения проблем природы и человека ЧелГУ. № 8-2013.
29. Куприянова Е. В. Археологические полевые работы по сохранению объекта культурного наследия «Поселение Томино I» в Сосновском районе Челябинской области в 2015 году. Отчет // Фонды УНЦ изучения проблем природы и человека ЧелГУ. № 7-2016.
30. Куприянова Е. В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010—2011, 2014 гг.). Челябинск : Энциклопедия, 2016. 119 с.
31. Куприянова Е. В. «Мужская» и «женская» модель в погребальной обрядности бронзового века в Южном Зауралье // Мужской и женский мир в отражении археологии : материалы всерос. с междунар. участием конф., Уфа, 19—22 нояб. 2018 г. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 33—43.
32. Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск : Энциклопедия, 2015. 196 с.
33. Купцова Л. В. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 21 с.
34. Любчанский И. Э., Иванова Н. О. Могильник Ильясский I — новый погребальный комплекс срубно-алакульского времени // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск : Каменный пояс, 1996. С. 89—105.
35. Малыгина Т. С. Могильник Приплодный Лог I // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1984. С. 58—78.
36. Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск : Наука, Сиб. предприятие РАН, 1998. 417 с.
37. Петров Ф. Н., Анкушев М. Н., Медведева П. С. Материальные свидетельства технологических процессов в культурном слое поселения Левобережное (Синташта II): опыт функционального подхода [Электронный ресурс] // *Magistra Vitae*. Электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 112—147. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/1_2018/petrovfn.pdf.
38. Рафикова Я. В. Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях : сб. памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. С. 228—243.
39. Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 262 с.
40. Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Урефты 1: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2006. 160 с.
41. Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М. : Наука, 1972. 168 с.
42. Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. 289 с.
43. Ткачев В. В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актюбе : Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
44. Усачук А. Н. Костяные изделия поселения Устье I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / отв. ред. Н. Б. Виноградов. Челябинск : Абрис, 2013. С. 331—363.
45. Усманова Э. Р. Могильник Лисаковский. Факты и параллели. Караганда ; Лисаковск : Карагандинский гос. ун-т, 2005. 232 с.
46. Хабдулина М. К., Тлеугабдулов Д. Т., Брынза Т. В., Билялова Г. Д., Кучеров П. Ю. Исследования памятников бронзового века в Акмолинском Приишимье (поселение Шагалалы II). Астана : Глобус, 2017. 192 с.

47. Цимиданов В. В. Социальная структура срубного общества. Донецк : Кассиопея, 2004. 204 с.
 48. Binford L. R. Mortuary practices: Their study and their potential // *Memoirs of the Society for American Archaeology*. Salt Lake City, Utah, 1971. N. 25. P. 6—28.
 49. Molchanov I. Inventory of small finds // *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)* / R. Krause and L. Koryakova (ed.). Bonn : Dr. Rudolf Habelt Verlag GmbH, 2013. P. 147—170.
 50. Parker Pearson M. *The archaeology of death and burial*. Stroud : Sutton Publishing Limited, 1999. 250 p.

Поступила в редакцию 25.05.2019

Куприянова Елена Владиславовна, кандидат исторических наук
 Учебно-научный центр изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета
 Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129
 E-mail: dzdan@mail.ru

UDC 902/904

E. V. Kupriyanova

Sacral and daily life of things (study of the role of objects in rituals and everyday use on the materials of the Bronze Age archaeological sites of the South Trans-Urals and Kazakhstan)

The purpose and principles of selecting funerary equipment in the Bronze Age burial grounds are still not clear. Based on the materials of archaeological sites of the South Trans-Urals, a comparative analysis of sets of artifacts from settlement and burial monuments was carried out. The study refutes the stereotypical notions that funerary equipment is a reflection of the status and occupation of the deceased. The author selected categories and individual types of semantically important objects, used in funeral rituals, but practically absent in settlements. Compared with the real world of settlements, this set is limited; it does not include tools for handicraft production, professional and household spheres. The basis of the complex is made up of weapons and jewelry — especially valuable and personal things, denoting the gender of the deceased in symbols of beauty and courage. The remaining items were also not the result of arbitrary choice, but were determined by the rules of the rituals.

Key words: archaeology, South Trans-Urals, Kazakhstan, Bronze Age, Sintashta culture, Petrovka culture, Alakul culture, settlement, burial ground, equipment.

Kupriyanova Elena Vladislavovna, Candidate of Historical Sciences
 Scientific and Educational Center for Research on the Problems of Nature and Man of Chelyabinsk State University
 Russian Federation, 454001, Chelyabinsk, ul. Br. Kashyrynykh, 129
 E-mail: dzdan@mail.ru

References

1. Alaeva I. P. *Kul'turnaya spetsifika pamyatnikov pozdnego bronzovogo veka stepnoi zony Yuzhnogo Zaural'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Cultural specificity of the monuments of the late Bronze Age steppe zone of the Southern Urals. Abstr. Cand. Dis.]. Moscow, 2015. 23 p. (In Russian)
2. Boiko T. A., Zdanovich G. B., Yantsen I. V. *Mogil'nik epokhi bronzы v urochishche Ulubai. Otchet* [The burial ground of the Bronze Age in the tract Ulubay. Report]. *Otchet o polevykh issledovaniyakh v Petropavlovskom Priishim'e po teme: Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya drevnikh plemen Yuzhnogo Urala i Severnogo Kazakhstana. Arkhiv zapovednika "Arkaim"* [Field Research Report in Petropavlovsk Priishimye on the topic: Socio-economic history of the ancient tribes of the Southern Urals and Northern Kazakhstan. Archive reserve "Arkaim"]. R-1, no. 22, pp. 29—40. (In Russian)

3. Boiko T. A., Tatarintseva N. S. Alypkashskii mogil'nik — novyi pamyatnik epokhi bronzy Severnogo Kazakhstana. Otchet [Alypkashsky burial ground — a new monument of the Bronze Age of Northern Kazakhstan. Report]. *Polevye arkheologicheskie issledovaniya na territorii Severnogo Kazakhstana v 1974 g. T. 2. Arkhiv zapovednika "Arkaim"* [Field archaeological research on the territory of Northern Kazakhstan in 1974. Vol. 2. Archive of the reserve "Arkaim"]. R-1, no. 13, pp. 1—21. (In Russian)
4. Boiko T. A., Khabdulina M. K. Mogil'nik u s. Novonikol'skoe. Otchet [Burial ground at Novonikolskoye village. Report]. *Otchet o polevykh issledovaniyakh v Petropavlovskom Priishim'e po teme: Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya drevnikh plemen Yuzhnogo Urala i Severnogo Kazakhstana. Arkhiv zapovednika "Arkaim"* [Field Research Report in Petropavlovsk Cis-Ishim: Socio-economic history of the ancient tribes of the Southern Urals and Northern Kazakhstan. Archive reserve "Arkaim"]. R-1, no. 22, pp. 18—28. (In Russian)
5. Botalov S. G., Grigor'ev S. A., Zdanovich G. B. Pogrebal'nye komplekсы epokhi bronzy Bol'shekaragan-skogo mogil'nika (publikatsiya rezul'tatov arkheologicheskikh raskopok 1988 goda) [Funeral complexes of the Bronze Age of the Bolshekaragan burial (publication of the results of archeological excavations of 1988)]. *Materialy po arkheologii i etnografii Yuzhnogo Urala* [Materials on archeology and ethnography of the Southern Urals]. Chelyabinsk, Kamennyi poyas Publ., 1996, pp. 64—88. (In Russian)
6. Vinogradov N. B. Kulevchi VI — novyi alakul'skii mogil'nik v lesostepyakh Yuzhnogo Zaural'ya [Kulevchi VI — the new Alakul burial ground in the forest steppe of the South Trans-Urals]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1984, no. 3, pp. 136—153. (In Russian)
7. Vinogradov N. B. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e* [Burial ground of the Bronze Age Krivoe Ozero in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 2003. 362 p. (In Russian)
8. Gening V. F., Zdanovich G. B., Gening V. V. *Sintashta: Arkheologicheskie pamyatniki ariiskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepei. Ch. 1* [Sintashta: Archaeological monuments of the Aryan tribes of the Ural-Kazakhstan steppes. Part 1]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1992. 408 p. (In Russian)
9. *Drevnee Ust'e: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e* [Ancient Ust'e': a fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk, Abris Publ., 2013. 482 p. (In Russian)
10. Epimakhov A. V. Kurgannyi mogil'nik Solntse II — nekropol' ukreplennogo poseleniya Ust'e epokhi srednei bronzy [Kurgan burial ground Solntse II — necropolis of the fortified settlement Ust'e of Middle Bronze Age]. *Materialy po arkheologii i etnografii Yuzhnogo Urala* [Materials on archeology and ethnography of the Southern Urals]. Chelyabinsk, Kamennyi poyas Publ., 1996, pp. 22—42. (In Russian)
11. Epimakhov A. V. *Rannie kompleksnye obshchestva severa Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5). Kn. 1* [Early complex societies of the north of Central Eurasia (based on materials from the Kamenny Ambar-5 burial ground). Book 1]. Chelyabinsk, Chelyabinskii dom pečhati Publ., 2005. 192 p. (In Russian)
12. Epimakhov A. V. Materialy k istorii yuvelirnogo dela (bronzovyi vek Yuzhnogo Zaural'ya) [New data on Bronze Age jewelry in the Southeastern Urals]. *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Evrazii — Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2012, no. 1 (49), pp. 82—87. (In Russian)
13. Epimakhov A. V., Berseneva N. A. Variativnost' pogrebal'noi praktiki sintashtinskogo naseleniya (poisk ob'yasnitel'nykh modelei) [Mortuary variability of the Sintashta population (search of explanation models)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya — Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, is. 3, Arkheologiya i etnografiya, pp. 148—170. (In Russian)
14. Epimakhov A. V., Berseneva N. A. Metalloproizvodstvo, pogrebal'naya obryadnost' i sotsial'naya identichnost' (sintashtinskie drevnosti Yuzhnogo Urala) [Metal-production, mortuary ritual, and social identity: The evidence of Sintashta burials, Southern Urals]. *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Evrazii — Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, no. 1, pp. 65—71. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.065-071. (In Russian)
15. Zdanovich G. B. *Bronzovyi vek Uralo-Kazakhstanskikh stepei* [Bronze age of the Ural-Kazakhstan steppes]. Sverdlovsk, UrGU Publ., 1988. 177 p. (In Russian)
16. Zdanovich G. B., Varfolomeev V. V. Detskii mogil'nik Zhabai-Pokrovka. Otchet [Children's burial Zhabay-Pokrovka. Report]. *Polevye issledovaniya Severo-Kazakhstanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1974 g. T. 3. Arkhiv zapovednika "Arkaim"* [Field Research of the North Kazakhstan Archeological Expedition in 1974. Vol. 3. Archive of the Arkaim Reserve]. R-1, no. 14, pp. 3—18. (In Russian)
17. Zdanovich G. B., Zdanovich S. Ya. Mogil'nik epokhi bronzy u s. Petrovka [The cemetery of the Bronze Age in Petrovka village]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1980, no. 3, pp. 183—193. (In Russian)
18. Zdanovich G. B., Khabdulina M. K., Borodina N. V., Vinogradov N. B. Mogil'nik epokhi bronzy Bersuat. Otchet [Burial ground of the Bersuat Bronze Age. Report]. *Arkheologicheskie issledovaniya na Yuzhnom Urale v 1977 g. T. 1. Arkhiv zapovednika "Arkaim"* [Archaeological Research in the South Urals in 1977. T. 1. Archive of the Arkaim Reserve]. R-1, no. 20, pp. 12—22. (In Russian)

19. Zdanovich D. G. Raskopki mogil'nika Chekatai (Varnenskii raion Chelyabinskoi oblasti) v 1997 godu. Otchet [Excavations of the cemetery Chekatay (Varna district, Chelyabinsk region) in 1997. Report]. *Arkhiv zapovednika "Arkaim"* [Archive of the reserve "Arkaim"]. P-1, no. 153. (In Russian)
20. Zdanovich D. G. Mogil'nik bronzovogo veka Isinei 1 v Chelyabinskoi oblasti. Otchet [Burial ground of the Bronze Age Isinei 1 in the Chelyabinsk region. Report]. *Arkhiv zapovednika "Arkaim"* [Archive of the reserve "Arkaim"]. P-1, no. 155. (In Russian)
21. Zdanovich D. G. Raskopki mogil'nika Chekatai (Varnenskii raion Chelyabinskoi oblasti) v 1998 godu. Otchet [Excavations of the cemetery Chekatay (Varna district, Chelyabinsk region) in 1998. Report]. *Arkhiv zapovednika "Arkaim"* [Archive of the reserve "Arkaim"]. P-1, no. 154. (In Russian)
22. Zdanovich D. G. Arkheologiya kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika [Archeology of the mound 25 of the Bolshekaragansky burial ground]. *Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika)* [Arkaim: necropolis (according to the materials of the mound 25 of the Bolshekaragansky burial ground)]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 2002, pp. 17—106. (In Russian)
23. Zdanovich D. G. Izdeliya iz kamnya, kosti, dereva v pogrebeniyakh kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika [Products made of stone, bone, wood in the burials of the mound 25 Bolshekaraganskogo burial]. *Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika)* [Arkaim: necropolis (according to the materials of the mound 25 of the Bolshekaragansky burial ground)]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 2002, pp. 144—158. (In Russian)
24. Kalieva S. S., Logvin V. N. Mogil'nik u poseleniya Bestamak (predvaritel'noe soobshchenie) [Burial ground near Bestamak settlement (a preliminary message)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2009, is. 9, pp. 32—58. (In Russian)
25. Kalieva S. S., Kolbina A. V., Logvin V. N. *Nekropol' epokhi bronzy Dzhangil'dy-5* [Necropolis of the Bronze Age Dzhangildy-5]. Kostanai, Kostanaipoligrafiya Publ., 2016. 208 p. (In Russian)
26. Kupriyanova E. V. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov "Stepnoe" (poselenie i mogil'nik) v Chelyabinskoi oblasti po itogam issledovaniy 2008 goda. Otchet [The complex of archaeological monuments "Stepnoye" (settlement and burial ground) in the Chelyabinsk region according to the results of research in 2008. Report]. *Arkhiv zapovednika "Arkaim"* [Archive of the reserve "Arkaim"]. P-1, no. 183. (In Russian)
27. Kupriyanova E. V. Poselenie Stepnoe epokhi bronzy (Plastovskii raion Chelyabinskoi oblasti) po itogam issledovaniy 2009 goda. Otchet [The Stepnoe settlement of the Bronze Age (Plastovsky district of the Chelyabinsk region) according to the results of studies in 2009. Report]. *Arkhiv zapovednika "Arkaim"* [Archive of the reserve "Arkaim"]. P-1, no. 188. (In Russian)
28. Kupriyanova E. V. Spasatel'nye raskopki poseleniya Streletskoe-1 (Troitskii raion Chelyabinskoi oblasti i kompleksnye issledovaniya okruzhayushchei territorii v 2012 godu). Otchet [Rescue excavations of the settlement Streletskoe-1 (Troitsky district of the Chelyabinsk region and comprehensive studies of the surrounding area in 2012). Report]. *Fondy UNTs izucheniya problem prirody i cheloveka ChelGU* [UNT Funds for Studying Natural and Human Issues of CSU], no. 8-2013. (In Russian)
29. Kupriyanova E. V. Arkheologicheskie polevye raboty po sokhraneniyu ob"ekta kul'turnogo naslediya "Poselenie Tomino I" v Sosnovskom raione Chelyabinskoi oblasti v 2015 godu. Otchet [Archaeological field work to preserve the cultural heritage object "Tomino I Settlement" in the Sosnovsky district of the Chelyabinsk region in 2015. Report]. *Fondy UNTs izucheniya problem prirody i cheloveka ChelGU* [UNT Funds for Studying Natural and Human Issues of CSU], no. 7-2016. (In Russian)
30. Kupriyanova E. V. *Pogrebal'nye praktiki epokhi bronzy Yuzhnogo Zaural'ya: mogil'nik Stepnoe-1 (raskopki 2008, 2010—2011, 2014 gg.)* [Funeral practices of the Bronze Age of the Southern Trans-Urals: Stepnoe-1 burial site (excavations 2008, 2010—2011, 2014)]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ., 2016. 119 p. (In Russian)
31. Kupriyanova E. V. "Muzhskaya" i "zhenskaya" model' v pogrebal'noi obryadnosti bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e ["Male" and "female" model in the funeral rites of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. *Muzhskoi i zhenskii mir v otrazhenii arkheologii: materialy vsenos. s mezhdunar. uchastiem konf., Ufa, 19—22 noyab. 2018 g.* [The Male and Female World in the reflection of archeology. Proceed. of All-Russia conf. with internat. participation, Ufa, Nov. 19—22 2018]. Ufa, IYYaL UFITs RAN Publ., 2018, pp. 33—43. (In Russian)
32. Kupriyanova E. V., Zdanovich D. G. *Drevnosti lesostepnogo Zaural'ya: mogil'nik Stepnoe VII* [The Antiquities of the Forest-Steppe Trans-Urals: Stepnoy VII Burial Ground]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ., 2015. 196 p. (In Russian)
33. Kuptsova L. V. *Srubnaya kul'tura Orenburgskogo Predural'ya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Timber-grave culture of Orenburg Ural region (based on funerary monuments). Abstr. Cand. Dis.]. St. Petersburg, 2016. 21 p. (In Russian)
34. Lyubchanskii I. E., Ivanova N. O. Mogil'nik Il'yasskii I — novyi pogrebal'nyi kompleks srubno-alakul'skogo vremeni [Burial ground Ilyassky I — new burial complex of the Timber-grave-Alakul time]. *Materialy po arkheologii i etnografii Yuzhnogo Urala* [Materials on archeology and ethnography of the Southern Urals]. Chelyabinsk, Kamennyi poyas Publ., 1996. pp. 89—105. (In Russian)

35. Malyutina T. S. Mogil'nik Priplodnyi Log I [Burial ground Priplodny Log I]. *Bronzovyi vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [Bronze Age of the Ural-Irtysh interfluve]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. un-t Publ., 1984, pp. 58—78. (In Russian)
36. Matveev A. V. *Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ya* [The first Andronovs in the forests of Trans-Urals]. Novosibirsk, Nauka, Sib. predpriyatie RAN Publ., 1998. 417 p. (In Russian)
37. Petrov F. N., Ankushev M. N., Medvedeva P. S. Material'nye svidetel'stva tekhnologicheskikh protsessov v kul'turnom sloe poseleniya Levoberezhnoe (Sintashta II): opyt funktsional'nogo podkhoda [Material evidence of technological processes in the cultural layer of the settlement Levoberezhnoe (Sintashta II): functional approach]. *Magistra Vitae. Elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* — “Magistra Vitae”: an electronic journal on historical sciences and archeology, 2018, no. 1, pp. 112—147. Available at: http://magistravitaejournal.ru/images/1_2018/petrovfn.pdf. (In Russian)
38. Rafikova Ya. V. Parnye pogrebeniya alakul'skoi kul'tury na Yuzhnom Urale [Pair burials of the Alakul culture in the Southern Urals]. *Arii stepei Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh: sbornik pamyati E. E. Kuz'minoi* [Arias of the steppes of Eurasia: the epoch of bronze and early iron in the steppes of Eurasia and in adjacent territories. A collection in memory of E. E. Kuzmina]. Barnaul, Altaiskii gos. un-t Publ., 2014, pp. 228—243. (In Russian)
39. Sorokin V. S. *Mogil'nik bronzovoi epokhi Tasty-Butak 1 v Zapadnom Kazakhstane* [Burial ground of the Bronze Age Tasty-Butak 1 in Western Kazakhstan]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1962. 262 p. (In Russian)
40. Stefanov V. I., Korochkova O. N. *Urefty 1: zaural'skii pamyatnik v andronovskom kontekste* [Urefty 1: Trans-Ural monument in the Andronovo context]. Yekaterinburg, Ural. gos. un-t Publ., 2006. 160 p. (In Russian)
41. Stokolos V. S. *Kul'tura naseleniya bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya* [Culture of the Bronze Age population of the South Trans-Urals]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 168 p. (In Russian)
42. Tkachev A. A. *Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy. Ch. 1* [Central Kazakhstan in the Bronze Age. Part 1]. Tyumen, TyumGNGU Publ., 2002. 289 p. (In Russian)
43. Tkachev V. V. *Stepi Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh srednei i pozdnei bronzy* [The steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the turn of the Middle and Late Bronze eras]. Aktobe, Aktyub. obl. tsentr istorii, etnografii i arkheologii Publ., 2007. 384 p. (In Russian)
44. Usachuk A. N. Kostyanye izdeliya poseleniya Ust'e I [Bone products of the Ust'e I settlement]. *Drevnee Ust'e: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e* [Ancient Ust'e: a fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk, Abris Publ., 2013, pp. 331—363. (In Russian)
45. Usmanova E. R. *Mogil'nik Lisakovskii. Fakty i paralleli* [Lisakovsk burial ground. Facts and Parallels]. Karaganda, Lisakovsk, Karagandinskii gos. un-t Publ., 2005. 232 p. (In Russian)
46. Khabdulina M. K., Tleugabulov D. T., Brynza T. V., Bilyalova G. D., Kucherov P. Yu. *Issledovaniya pamyatnikov bronzovogo veka v Akmolinskom Priishim'e (poselenie Shagalaly II)* [Studies of Bronze Age Monuments in Akmola Cis-Ishim (settlement of Shagalala II)]. Astana, Globus Publ., 2017. 192 p. (In Russian)
47. Tsimidanov V. V. *Sotsial'naya struktura srubnogo obshchestva* [Social structure of the Srubnaya (Timber grave) society]. Donetsk, Kassiopeya Publ., 2004. 204 p. (In Russian)
48. Binford L. R. Mortuary practices: Their study and their potential. *Memoirs of the Society for American Archaeology*. Salt Lake City, Utah, 1971, no. 25, pp. 6—28.
49. Molchanov I. Inventory of small finds. *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Ed. by R. Krause and L. Koryakova. Bonn, Dr. Rudolf Habelt Verlag GmbH, 2013, pp. 147—170.
50. Parker Pearson M. *The archaeology of death and burial*. Stroud, Sutton Publishing Limited, 1999. 250 p.